

КРЯЧКОВ А.Э.

СКАЗКА ПЕРВАЯ

СКАЗКИ ДЛЯ ТЕХ, КТО БОИТСЯ СМЕРТИ.

**ПАМЯТИ ХЛУНОВСКОГО А.Н.,
человека, который жил и работал
не в своё время.**

**Сказка первая:
для тех, кто «дошел до ручки».**

**Дурак ищет ошибки,
Умный – плагиат,
Мудрый - смысл.**

ВВЕДЕНИЕ

Профессор Соколов стал заведующим кафедрой философии Университета города N. два года назад. В течение двадцати лет он добивался этой должности. Защитив две диссертации, подготовив нужное количество аспирантов, он дождался ухода своего шефа в лучший мир и занял его место. В свои сорок пять лет, он имел практически всё: положение, звание, уважение, деньги, но, как говорят, случилось страшное: здоровье покинуло его.

Официально профессора именовали Николаем Сергеевичем, за глаза студенты и друзья называли его наш «СиНяк».

Будучи человеком высокого роста и достаточно симпатичной внешности, он считал, что хорошо подвешенный язык обеспечивает возможность легко входить в контакт с людьми и добиваться своего результата.

«Синяком» его прозвали студенты, после того как он пришел на лекцию с «бланшем» под глазом после драки в общежитии университета: из-за одной второкурсницы он ввязался в драку. Синяк прошел, а прозвище осталось.

Как часто бывает в жизни, Николай Сергеевич познакомился с выше указанной студенткой Мариной в парке университета во время весенней сессии. Девушка имела внешность фотомодели, общение с профессором импонировало ей, и он не заметил, как через две недели оказался у неё в постели. Через месяц роман закончился, Марина уехала на каникулы к бабушке. Но только через полгода Соколов понял, что синяк, полученный в общежитии Университета, поставил ему не рогоносец - приятель Марины, это был наркодиллер, не получивший с девушки деньги за дозу героина, и «бланш» под глазом у профессора стал её расплатой. Затем Соколова начали мучить частые ангины, что оказалось следствием заработанного СПИДа.

Прошло пять лет после этой истории, но, несмотря на различные виды лечения, СПИД прогрессировал. Всё чаще профессор брал отпуска для лечения пневмоний, всё чаще брал деньги у друзей для поездок за границу. Он развёлся

со своей женой, мысли о женщинах вызывали в нем отвращение. Скрывая свой диагноз, он не мог скрыть своего состояния, что приводило его к раздражительности, и Соколов часто срывал злость на входящих в его кабинет.

Мысли одолевали Николая Сергеевича: «Стоило ли всю свою жизнь стремиться к тому, чего он достиг, чтобы всё это потерять за короткое время?» - думал он, сидя за своим профессорским столом. Обвинять Марину и всех, кто профессора окружал, ему надоело. Единственное, что осталось в жизни, была философия, в которой он стремился разобраться, но с каждым днём становилось всё труднее и труднее. Казалось, что Николай Сергеевич каждую минуту пытается войти в запертую комнату, подбирая ключи, но это у него не получается. Особенно трудно понималась философия Востока.

И вот наступил день когда, оформив инвалидность, он оставил кафедру второму профессору; свою машину он загнал на стоянку, собрал оставшиеся деньги, купил на неделю еды и заперся у себя дома.

Пришло время собраться с мыслями.

ГЛАВА 1. КАК НАЙТИ ЗМЕЯ ГОРЫНЫЧА.

Профессор Соколов вернулся домой в районе восьми часов вечера. Лето выдалось тёплым и душным. Он открыл окна, выпил холодного зелёного чая и с комфортом устроился на своём двуспальном диване. Обстановка могла поразить глаз обывателя: однокомнатная квартира была отремонтирована недавно, со вкусом, характерным для женщины пятидесяти лет, прожившей в Европе всю жизнь, однако порядок и чистота выдавали отсутствие женского присутствия*. Книжки по философии, религии, медицине говорили об интересах хозяина квартиры. Статуэтки, обереги, и карты Таро делали Николая Сергеевича немного смешным.

«Надо составить план», - решил СиНяк, взяв чистый лист бумаги и ручку.

Обойдя со своей болячкой всех наших и западных корифеев медицины, он понял, что ему уже ничего не «светит». Читая книги врачей древности, профессор видел, что все они во главу угла ставили мудрость – то, чем должна заниматься философия. Ещё Гиппократ говорил, что тот, кто хочет быть хорошим врачом, должен быть хорошим философом. Но среди нынешних врачей Соколов философов не нашел. Взяв газеты и поговорив с приятелями, профессор решил обратиться к народным целителям, но после общения с ними его чуть не вырвало. Модные слова «карма», «аура», «порча» и т.п. выводили его из себя.

«Итак, план. С чего начать? Вокруг меня никого нет. Всем знакомым я сказал, что уехал в Израиль. Денег и еды на ближайшее время хватит. Лекарства мне отменили, выходить из дома ближайшие пять дней я не собираюсь. Надо разложить книги по разделам: последнее время читать их становится всё труднее и труднее. Через неделю надо встретиться с отцом Владимиром (как всегда будет говорить о моей грешной душе – если бы я знал, что это такое). Как всё это противно, постоянно мучает мысль: «За что?» Надо распахнуть по полочкам всю свою жизнь, может я и найду то, за что меня так ударило. Как хочется, чтобы кто-нибудь помог, но кому я нужен? Может найти какого-нибудь буддистского ламу? Говорят, что они много чего умеют - бред. Вчера разговаривал с матерью. Она у меня добрая, хотя и глупая. Её рассказ о бабке Нине меня заинтересовал. То, что у Дмитрия Ивановича последняя стадия рака

желудка, я знал, но для меня была неожиданность, когда я встретил его бегущим по парку. Мать сказала, что ему помогла бабка Нина - надо ей позвонить. Всё, устал. Надо посмотреть телевизор и ложиться спать. Что-то я быстро устаю? Память уже не раз подводила меня. Утро вечера мудренее. Эх, если бы ещё разобраться в сказках. Всё, посмотрю на Сигала и станет легче. Сегодня по первой программе «Нико-1»», - профессор Соколов взял бутылочку пива и включил телевизор, так он заканчивал переломный день в своей жизни.

Николай Сергеевич проснулся в десять часов утра. Ночь прошла спокойно, без сновидений, вставать было лень, и он поднялся из постели в полдень. Кашель мучил профессора, он пошёл в ванную и привёл себя в порядок. Выпив чашечку кофе, СиНяк сел на диван и закурил, последнее время ему хотелось этого всё меньше и меньше. «Итак», - подумал он, - «надо вернуться к плану».

Ему не давала покоя мысль позвонить бабке Нине, а именно Нине Ивановне Кузнецовой. Он открыл записную книжку и решил набрать её номер телефона. Трубку взяла бабка Нина. Профессор представился, она обрадовалась его голосу и сказала, что давно ждала его звонка.

-Дмитрий Иванович, о котором вы, наверное, часто думаете, говорил мне про вас. Я ждала, когда вы объявитесь. Давайте сделаем просто: вы возьмете что-нибудь вкусненькое и приедете ко мне, - голос её был спокойный и уверенный.

Профессор удивился тому, что не выказал сопротивления, хотя и не собирался выходить из дома. Голос Нины Ивановны заставил его встрепенуться. Он взглянул на себя в зеркало: прежний лоск спал с его плеч, но выглядел он ещё достаточно прилично. Николай Сергеевич надел костюм, взял приличную сумму денег, закрыл дверь и спустился на лифте вниз (ходить пешком было лень). В ближайшем продовольственном магазине профессор купил хороший торт и бутылочку «Мартини».

Он чуть не упал, когда вместо симпатичной женщины среднего возраста дверь ему открыла рано располневшая дама с широким рябым лицом и большим крючковатым носом. Внешность Нины Ивановны была жуткой пародией на бабу Ягу.

«Сказки начинают сбываться», - подумал про себя Соколов.

Нина Ивановна работала массажисткой в ближайшей поликлинике, её руки и способность успокоить и поговорить с больным, создали ей репутацию неопенимого человека. Жила она одна, но в доме всегда было много народу. Они прошли на кухню. Бабка Нина поставила на газ чайник и закурила, подвинув пепельницу и Николаю Сергеевичу.

-Ну что, давайте поговорим, - проронила, затянувшись, Нина Ивановна.

-Дмитрий Иванович поведал мне про то, как вы изменились за последние пять лет. Не вдаваясь в ваши проблемы, я знаю, что помочь вам не смогу. Но не расстраивайтесь. Что-нибудь вы слышали про Степана Егоровича? Нет? Я заметила, как изменилось ваше лицо, когда вы меня увидели, - рассмеялась Нина Ивановна.

-Да, я похожа на бабу Ягу, а Степана Егоровича мы называем Змеем Горынычем. Он интересный и очень непонятный человек. Сколько точно ему лет, где он работает, есть ли у него семья – этого никто не знает. Известно одно: он помог большому количеству людей, включая меня, Дмитрия Ивановича и многих других. Вы можете подумать, что какие-то сектанты заманивают вас в свои сети, что дождались, когда человеку некуда стало деваться и можно

начинать его потрошить; но, обладая приличным жизненным опытом, разберитесь сами. А для страха, помните, как у Гёте, говорил Мефистофель: «При жизни денег мы не берем». Я дам вам телефончик Степана Егоровича, подумайте и, если захотите, позвоните ему, - закончила свою речь Нина Ивановна.

Лицо Соколова было напряжённым.

«Почему они интересуются мною? Кто они такие? Откуда они знают, что я думаю?» - автоматически, профессор налил себе «Мартини», забыв про присутствие Нины Ивановны.

- Не волнуйтесь так сильно, - улыбнулась бабка Нина. - Вы же сами знаете, что умение разговаривать позволяет людям быстрее находить контакт друг с другом. Пока вы ведете себя, как ёжик, которого принесли из леса. Успокойтесь. Степан Егорович у нас просто обожает хорошие сказки и анекдоты - это такая прелесть! Хотя вы и профессор философии, но на сегодняшний день вы полнейший дурак, извините меня. Сказки вы понимаете не так, как нужно. В первую очередь, Николай Сергеевич, перестаньте на меня обижаться и поговорите со мной, а то вы как партизан на допросе. Давайте пить чай, - Нина Ивановна легко вспорхнула со своей табуретки.

«Какие странные они, должно быть, люди, если при первой встрече назвали тебя дураком», - без злобы подумал Соколов.

Попив чаю, пару часов они говорили обо всём и ни о чём, после чего, распрощавшись с Ниной Ивановной, СиНяк пешком отправился домой. Два дня Соколов находился под впечатлением от встречи с бабкой Ниной.

«Звонить или не звонить Степану Егоровичу?» - думал он. Ни сигареты, ни пиво, ни книги, ни телевизор не отвлекали его от этой мысли. Наконец, плюнув на всё, профессор взял монетку и решил: «Если выпадет орёл, я ему позвоню». Монетка упала на пол, на Николая Сергеевича смотрел с презрением герб России.

ГЛАВА 2. ЛОГОВО ЗМЕЯ ГОРЫНЫЧА.

Николай Сергеевич взял в руки телефонную трубку. Руки немного тряслись и были потные. «Это всё проклятая болезнь», - подумал он. Номер телефона Степана Егоровича был прост. Ответили сразу. Мужской голос на другом конце провода не обещал ничего хорошего. Профессор объяснил, что он протеже Нины Ивановны. Мужской голос помолчал и после небольшой паузы сказал: «Давайте, если вам ничего не помешает, встретимся завтра днём в двенадцать часов, на пляже у реки, у рекламного щита нашего губернатора. Знаете?»

Соколов не знал, что может ему помешать, а указанное место почитал весь город (на рекламной фотографии губернатор был похож на обезьяну), он ответил утвердительно. Мужской голос добавил: «Не забудьте взять с собой плавки, - немного искупаемся, и не бойтесь».

- Почему они все думают, что я боюсь? - нарастало в СиНяке раздражение.

Николай Сергеевич проснулся на следующий день весь в поту. Болела спина, и ехать никуда не хотелось. «А Змей был прав. Очень хочется остаться дома», - отметил он про себя. Профессор сломал свою лень, умылся, побрился, выпил холодного зелёного чая.

«Ну, что? Посмотрим, что это за фрукт», – думал он, забирая свою машину со стоянки. «А плавки я специально не возьму. Нашелся мне авторитет. Мне врачи запретили купаться и загорать; козёл, а не Змей Горыныч», – ругался профессор.

Ровно в полдень Соколов подошел к рекламному щиту. Мужчина лет сорока сидел на бетонной опоре в цветных плавках и улыбался ярко светившему солнцу. Был он волосат, загорел, комплекцией был похож на *турецкого кота.

«Лентяй чёртов», – подумал про себя Николай Сергеевич

Мужчина повернулся к СиНяку и, улыбаясь, спросил: «Это вы мне вчера звонили?»

После утвердительного кивка, они обменялись рукопожатиями.

-Как я понимаю, загорать и купаться вы не хотите, - усмехнулся Степан Егорович, - ладненько, давайте посидим и поговорим, хотя, очевидно, говорить буду я.

Змей закурил сигарету, запах у них был отвратительный.

«Что можно ожидать от Горыныча?» – проскочило в голове у Соколова.

-Как, начнём? – казалось, прошипел Степан Егорович.

Профессору показалось, что он одновременно увидел трёх Степанов Егоровичей: молодого, нынешнего и старика, и все трое выпустили из себя дым от закуренной сигареты.

«Кажется, я приплыл», – передёрнуло бывшего заведующего кафедрой философии.

-Давай сразу перейдём на ты, а то как-то странно, к друг другу люди предпочитают обращаться на вы, а когда говорят: «Господи, помилуй!» - к Нему обращаются на ты. Смешно, - проговорил Степан Егорович.

-Как и всех, тебя волнует: смогу ли я тебе помочь и во сколько это обойдётся? - Змей Горыныч улыбнулся. - Свою жизнь ты ценишь очень дорого, а общаться с таким придурком, как я, люди предпочитают на халяву, - голос Степан Егорович становился более жёстким.

-Итак, условия нашего общения:

1. ты забываешь, что был профессор, - ты стал господином «никто»;
2. ты станешь пластилином, и я смогу добиться успеха, если ты будешь выполнять на 100% всё, что я буду говорить. Я обещаю, что не буду давать невыполнимых заданий, хотя иногда и будет очень больно;
3. я не прошу у тебя денег только при одном условии: всё, что будет с тобою происходить, ты опишешь когда-нибудь в книге своими словами;
4. учитывая твою ситуацию, ты не имеешь право отказаться от правды, какой бы она не была;
5. всё, что не должно выходить за пределы твоей головы (я скажу), останется между нами;
6. время, которое будет потрачено тобой на твоё восстановление, ты определяешь сам;
7. Если всё выше сказанное тебя устраивает, то я согласен с тобой работать; если нет, то я забываю о твоём существовании, - Степан Егорович с удовольствием смотрел на солнце.

Такая форма общения для Николай Сергеевич была крайне неприятна. Как будто почувствовав состояние профессора, Змей Горыныч с издёвкой заметил ему: - А что слабо было захватить с собой плавки? Если начнем с тобой

общаться, за такую инициативу будешь получать в лоб. Ха-ха, - смех Змей Горыныч был омерзителен.

-У тебя есть двое суток на размышление. Бывай, здоров, а я, пока хорошее солнце, ещё позагораю, - и Степан Егорович протянул, не глядя, руку.

СиНяк почувствовал себя маленьким насекомым по сравнению со Змеем Горынычем. Он сгорбился и медленно побрёл к своей машине, проклиная в душе и мать, и бабушку Нину, и Степана Егоровича, и себя самого.

Домой профессор добрался в отвратительном состоянии, хотелось выпить, он порылся в холодильнике и нашел целую пол-литровую бутылку водки.

«Какой же я дурак!» - кричал Николай Сергеевич про себя, допивая третий стакан водки без закуски. Хмель не брал его. После четвертого стакана он уснул прямо на кухне.

ГЛАВА 3. ВОТ ТЕБЕ И СКАЗКИ.

На утро голова гудела, как раскалённая печь. Хотелось пить, во рту было, как в помойке. Встав под душ, СиНяк отстоял под ним около часа. Стало немного легче. Оставались сутки для принятия решения.

Всё в облике Степана Егоровича вызывало антипатию, но уверенность, с которой он говорил, притягивала к себе.

«Наверное, таким должен быть Учитель», - подумал Николай Сергеевич, вспомнив, популярные в своё время боевики.

«Но как-то очень жалко себя, и очень противно чувствовать себя ничтожеством», - гладил себя по головке профессор.

«Вот тебе и буддистский лама, действительно, если Магомет не идёт к горе, то гора идёт к Магомету», - сказал он себе, выпивая бутылочку минеральной воды.

«Хрен с ним. Начну. Всё равно, денег не просил», - в голову заскочила мысль о том, что бесплатный сыр бывает только в мышеловках, но надолго там не задержалась.

«Надо вечером позвонить Змею Горынычу, досрочно, пусть знает, что я не боюсь», - ребячество так и лезло из Николая Сергеевича.

Разложив перед собой книги, СиНяк решил в темпе вальса подготовиться.

Весь день он ковырялся в своих книгах, в конспектах лекций для студентов, прочитал авторефераты своих диссертаций; голова начала пухнуть от информации.

В девять вечера профессор созрел позвонить.

Степан Егорович ответил доброжелательно, но мимоходом заметил, что читать много вредно, особенно после возлияния.

-Встречаемся там же: на воздухе легче общаться. Я жду тебя в девять утра, плавки можешь не брать, а что-нибудь попить и сигареты захвати, день будет длинный, - командный тон Змей Горыныча звучал в каждом слове. Прощание было холодным.

«Кто ему сказал, что я пил и читал? Я что, от него больше и не спрячусь? Но как хочется быть здоровым! Надо поставить будильник и лечь спать. Вот те влип, как в анекдоте про глухую золотую рыбку и большой теннис», - от собственной шутки Николаю Сергеевичу стало смешно.

В хорошем настроении он улегся на свой диван и уснул. Всё, что предстояло пройти, напоминало профессору безобидный флирт с неминуемой

победой, но как говорят: «Быстро сказка сказывается, да не скоро дело делается». Змей Горыныч шутить не любил.

СиНяк встал рано, после звонка будильника. Быстро собравшись и перекусив, он сел в свою машину и помчался на пляж. Настроение было несколько выше среднего. Когда Николай Сергеевич подошёл к рекламе, Змей Горыныч уже сидел на бетонной плите, и создавалось впечатление, что он никуда и не уходил.

-Ну, здравствуй, мученик, - проговорил Степан Егорович, - Ты будешь стараться всё запомнить, хотя твоя память сейчас оставляет желать лучшего. Пока ты глуп, говорить буду один я, как на уроке. По мере своего взросления будешь задавать вопросы. Если вопрос будет глупый, то я имею право на него не отвечать. «Философ», всё понятно? - взгляд Учителя был суров.

-Если я буду ругаться и называть тебя дураком, в этом нет ничего личного, старайся не принимать близко к сердцу, - последняя фраза Николаю Сергеевичу не понравилась, но он промолчал.

-Начнем с самого простого, отвлечёмся от твоей болячки, сто лет назад о ней не знали. Пять годков назад ты заболел, силы постепенно стали оставлять тебя. Куда ты их дел? Ты винил всех вокруг, начиная с родителей и заканчивая той дамой, от которой ты заразился; но если камень бросили в толпу, и он попал в голову гражданину, то что, камень виноват или тот, кто его бросил? Но почему он попал в голову именно этому гражданину? Философ скажет: «Да я знаю, надо искать причину в себе», - но ты искал годы и так её и не нашёл. Есть старый медицинский принцип: убери причину, и уйдёт следствие. Ты, как и врачи, считал, что причина – это вирус, но как бы вы с ним не боролись, результат становился всё хуже и хуже. Всё это оттого, что вы ошиблись, вы повод приняли за причину, а это самое главное: это то же самое, что неправильно понять условие задачи.

Значит, причина находится в другом месте.

Ты стал терять силы, но не потерял ли ты их раньше, до того, как заболел? Если мы говорим, что сил у тебя раньше было больше, а сейчас почти иссякли, то не значит ли это, что ребёнок рождается полный сил, как горшочек с кашей, и пока он двигается по жизни, он их куда-то расходует.

На сегодняшний день твой горшочек почти иссяк. Когда горшочек пуст, человек умирает, - Змей Горыныч прервался. У профессора мурашки побежали по спине.

-Чем меньше у тебя сил, тем больше проблем, но для того, чтобы решать проблемы, нужны силы. Как разорвать замкнутый круг? Для этого нужно понять, что такое силы. Их нельзя пощупать, их, на сегодняшний день, нельзя измерить. На Востоке наличие сил определяют способностью остановить мысли, но к этому мы с тобой ещё подойдём. Но, если их, как в электросети, нельзя посмотреть любому, то это не значит, что они не существуют. Всё, что я сказал, тебе пока понятно? Ты можешь сказать, что ты всё это знаешь, но ты пока ещё дурак, и мне приходится всё тебе разжёвывать. Давай перекурим и искупаемся, а то что-то стало припекать, - Николай Сергеевич вздохнул с облегчением и перевёл дыхание, действительно обо всём этом он читал.

СиНяк зашёл в воду вместе со Степаном Егоровичем, купаться не хотелось, но приказы начальника надо выполнять. Немного охладившись, они сели на бетонную плиту и закурили. В теле Николая Сергеевича появилась какая-то лёгкость.

«Какая зануда этот Змей Горыныч, но пока всё, что он говорил, походит на правду», - отметил про себя профессор.

В качестве перерыва, они поговорили о воде, сигаретах, пляже. Степан Егорович никуда не торопился, а перерыв в монотонном вещании учителя был необходим.

-Если готов, давай продолжим, пока всё это для начальной школы. Но только человек, который огрѐб такие заморочки, как у тебя, стремится разобраться в причинах. До этого момента он проходит путь дурака, как говорят: дурак учится на своих ошибках, умный - на ошибках других, мудрый знает, как их не совершать, - Змей Горыныч усмехнулся. - Таким образом, согласно закону сохранения массы, энергии и информации, если мы где-то оставили свои силы, то там же мы можем их и найти. А соответственно, набравшись сил, мы можем отыскать причину проблемы, а затем убрать и следствие. Сейчас я говорю про твою болезнь, - логическая цепочка понравилась профессору, и он приготовился внимательно слушать. Степан Егорович сделал паузу и после неё сказал:

-Ты ещё не понимаешь, насколько это сложно, и какого требует упорства. Не каждый человек способен на борьбу. Как мышки, пущенные в лабиринт, забегая в тупик, одна погибает, а другая разворачивается и показывает зубы. Я согласился с тобой работать, потому что ты - именно такая зубастая мышка, хотя и прилично поистаскавшаяся. Откуда я знаю, что ты такой? Думаю, что тебе пока знать об этом рано. К сожалению, это не похвала: одна ошибка - и ты труп. Но это и есть твой стимул, - взгляд Змея Горыныча не предвещал ничего хорошего.

-Попробуй для себя уяснить, если мы не можем увидеть и определить наличие сил, то мы не можем увидеть, как мы их тратим. Что скрыто в человеке и что он старается не показывать? - Свои эмоции! Поэтому если бы человек попусту не тратил свои эмоции, он мог бы жить намного дольше. Наши эмоции проявляются в нашем поведении и в наших манерах. Периодически, как аккумуляторы, если мы не совершаем грубых ошибок, мы подзаряжаемся. Ты не думал, как это происходит? Вопрос риторический, потому что ты забыл, как думают, - улыбнулся Степан Егорович и хрустнул пальцами рук.

-Профессор, ты не устал? Лекции - дело хорошее, но главное - они не должны быть в тягость. Можешь пару часов в тени поспать, а я схожу в кафе, выпью кофе, - слова Степана Егоровича звучали как обращение к ребенку.

Николай Сергеевича передёрнуло: «Почему каждый раз на самом интересном месте он делает перерыв?» - в тот же момент СиНяк почувствовал, что веки его стали тяжѐлыми, и очень захотелось спать.

«Какой-то идиотизм», - подумал профессор и уснул.

Проснулся Николай Сергеевич ровно через два часа, Змей Горыныч сидел на своей плите, как постамент.

-Ну, как, отдохнул? - спросил он.

-Сейчас мы будем учиться проводить параллели. Улови закономерность, почему, когда человек физически работает или занимается спортом, он потеет, краснеет, повышается температура, а при перегрузке можно потерять сознание. Когда человек лежит на солнце - то же самое, пошёл в баню - то же самое. У женщины климакс - то же самое, простудился - и опять то же самое. Одна и та же реакция при различных ситуациях, именно она является приходом силы, а то, что я перечислил, физическими факторами прихода силы. Для того чтобы эта реакция постоянно повторялась, необходимо каждый день увеличивать

нагрузку, критерием чего является боль. Я не очень умно тебе объясняю, а то мне кажется, что ты не понимаешь, как ты «попал»? - всей своей позой Степан Егорович показывал полное презрение к размякшему на солнце СиНяку.

-Для того чтобы тебе всё перечисленное выполнять изо дня в день, к завтрашнему дню составишь расписание, и не забудь, нагрузки должны постоянно увеличиваться, но это только начало, к выздоровлению подзарядка тебя не приведет, но, по крайней мере, с тобой можно будет разговаривать, - нехотя выдавил из себя Змей Горыныч.

Было около пяти часов. Николай Сергеевич, сдерживая себя, откланялся, хотя, быть в роли школьника, ему было не привычно, а особенно выполнять домашние задания.

Степан Егорович, как будто зная мысли профессора, напомнил во след:

-Завтра также, в девять, и не забудь захватить расписание, а пока иди и обдумай всё, что услышал, я проверю.

«Ну и паразит», - подумал про себя СиНяк.

Придя домой, Николай Сергеевич задумался: «С одной стороны всё выглядит правильно: солидный дядя, много знает, книжек начитался. Я даже не знаю, кто он по профессии, с другой - манера его общения выведет из себя кого угодно. Но если мне никто не в силах помочь, а он заявляет, что, если я буду выполнять всё, что он говорит, и будет результат, то хочешь, не хочешь, придётся его слушать. Тупик, из которого нет выхода. Хорошо, гад, устроился. Беспроектная ситуация помогать тем, у кого нет выбора, и в любом случае - ты никогда не виноват. Ладно, будь, что будет. Чего он от меня хотел? Расписание и программа, как я буду набираться сил. Хорошо:

1. Физическая нагрузка, - пусть это будет зарядка до приятной мышечной боли, такое впечатление, что она у меня уже есть;
2. Пребывание на солнце - я и так с ним купаюсь и загораю;
3. Походы в баню - кстати, я давно там не был;
4. Не тратить силы на эмоции - но когда я с ним общаюсь, как их не тратить?

Простудиться и заработать климакс, я не умею.* И так, план готов. Придётся начать его выполнять с завтрашнего дня. Значит, мне надо встать в шесть утра, чтобы сделать зарядку и к девяти быть на пляже. Ладно, посмотрим, зарядку, будучи студентом, я делал.

Но, рассказав про то, как набираться сил, Степан Егорович не рассказал мне, что делать, чтобы их возвращать. Если я так много потерял, с чем в принципе я согласен, то где я буду искать потерянное. В чём же причина всех моих проблем? Может действительно он прав, что об этом пока мне думать рано. Как всё-таки тяжело сознавать, что ты болен, и ждать, что должен умереть, а вдруг тебе помогут», - Николай Сергеевич сидел на диване, слёзы медленно катились из его глаз. Взяв из холодильника бутылку холодного пива, профессор решил пораньше лечь отдыхать.

Утром перед тем, как начать делать зарядку, Николай Сергеевич посмотрел на себя в зеркало: «Надо запомнить, как я выгляжу, будет какой-то объективный показатель моего состояния».

Делать упражнения было крайне тяжело, пот застилал глаза, всё тело болело.

«Сделаю ещё немного, и запишу в дневник сколько и каких упражнений сделал. С каждым днём буду прибавлять по одному упражнению», - думал он, забираясь под душ.

В девять утра СиНяк нашел Змея Горыныча на прежнем месте.

«Интересно, чем он занимается в то время, когда не общается со мной», - но задавать такой вопрос было неудобно.

-Как твоё расписание, много ли смог придумать и сделать? - Степан Егорович заглянул в дневник профессора, - пока терпимо, но мало, такими темпами ты результата не добьешься. Всё, что ты здесь написал, завтра увеличишь вдвое, про боль и пот можешь мне не рассказывать. Что касается бани, то завтра мы идём туда с тобой вместе, так что походи и наломай пару хороших берёзовых веников. Пиво брать с собой не надо, возьми минеральной воды, она будет тебе, сейчас полезнее. Сегодня мы будем говорить о том, как мы тратим силы на наши желания, и как с этим бороться. Будучи философом, ты знаешь, что существует закон дуальности. Если есть белое, значит, есть чёрное, если есть хорошее, значит, есть плохое и т.п. Следовательно, и в человеке есть хорошее и плохое и, как исходят психологи, есть маленький и большой «Я». Маленький «Я» отвечает за наше тело, наши желания, эмоции, а так как эмоции приводят к потере сил, маленький «Я» отвечает за плохое в нас. Поэтому все наши «хочу» дают только отрицательный результат. Всё, к чему ты стремился в жизни, было результатом твоего «хочу». Старый принцип, что в жизни надо за всё платить, распространяется и на твою ситуацию: **своей болезнью ты платишь за исполнение своих желаний**. Ты сам пришел к тому, что всё, что у тебя было, стало ненужным, и ты готов всё отдать, чтобы вернуть здоровье.

Сейчас я объяснял тебе, кто такой маленький «Я». Если ты что-то не понял, можешь спросить, - Змей Горыныч внимательно смотрел на СиНяка.

-Если так всё просто, то делай всё, что не хочешь, и всё будет хорошо? - своим вопросом профессор хотел поймать Степана Егоровича врасплох.

-Хороший вопрос. Но не думал ли ты, что «хочу» и «не хочу» являются проявлением одного и того же? И, если ты делаешь то, что не хочешь, то ты так же теряешь энергию, когда делаешь и то, что хочешь, в той и другой ситуации идёт трата наших эмоций. Для того чтобы с этим справиться, нужно иметь хоть какие-нибудь силы. Давай разберём пример: Дама хочет быть певицей, но у неё нет голоса. Она тратит время и деньги, но не задумывается, сколько сил потрачено, и когда она выходит на сцену, то падает в обморок и попадает в больницу, например, с язвой желудка. Другая имеет голос и все данные, чтобы быть певицей, но идёт во врачи, потому что это престижно. Оканчивает институт, устраивается на работу, но не может выйти замуж, т.к. потратив все силы на окончание института, она стала просто ходячим манекеном. Но она не хотела быть певицей, начинать с самодеятельности, петь в ресторане. Отсюда следует, что прежде чем выбрать свой путь, надо понять, что тебе дала природа; помнишь, как у Рязанова: «У природы нет плохой погоды, всякая погода благодать», поэтому надо занимать среднее положение, между «хочу» и «не хочу» и делать то, что должен. Ты спросишь: «Что я должен и кому?» Давай поговорим об этом, после того, как искупаемся, - чувствовалось, что у Змея Горыныча пересохло в горле.

Тема для Николая Сергеевича была близка, но в воде он чувствовал, что разговоры со Степаном Егоровичем начинают его занимать и он автоматически следует за мыслями Змея Горыныча: «Умеет же он удерживать внимание собеседника. Если бы я так мог удерживать внимание студентов во время лекций», - подумал он с сожалением.

Поплавав, покурив и попив воды, они продолжили большей частью монолог Степана Егоровича.

-Проблема «кто, что и кому должен», раскрывалась иногда в сказках, хотя не все смогли их понять. Мы разобрали с тобой, кто такой маленький «Я», но кто такой большой «Я», мы так и не знаем. Если раньше я говорил, что человек рождается, как горшочек, полный сил, то можем ли мы сравнить данное выражение с устройством человека: горшочек - это маленький "Я", а содержимое – большой. И точно так же, как разные бывают горшочки, также и разным бывает их содержимое, по количеству. Как же нам понять, какой горшочек, что из себя представляет? Как заглянуть в содержимое горшочка? Постарайся, дать синонимы содержимому горшочка или большому «Я»?

-Большой «Я» - это душа, других я не знаю, – нехотя, ответил Николай Сергеевич.

-Хорошо, есть ли отличия в словах: душа, интуиция, подсознание? Что их объединяет? - спросил, щурясь, Змей Горыныч.

-Я думаю, что интуиция и подсознание – это только элементы души, - неуверенно ответил профессор.

-Каждый человек, трактует слова и события по-своему, - заметил Учитель.

-Во-первых, к этим словам можно добавить слово интернет; во-вторых, все они, разные временные названия одного и того же; в-третьих, ни одно из них нельзя пощупать, можно только наблюдать за их проявлениями, - голос Змея Горыныча был твёрд и не терпел возражений.

-Таким образом, сила и душа одно и то же. Иначе можно сказать, что ты не потратил свои силы, а опустела твоя душа. Ты не задумывался, почему меня прозвали Змей Горыныч? Если бы Иван-царевич не победил бы Змея Горыныча, разве он бы стал персонажем сказки? Но я, как и Змей Горыныч, только образ, который учит тебя преодолевать проблемы. Научившись мыслить не так, как ты думал всю свою жизнь, ты сможешь постепенно двигаться от примитивного, но разумного мышления к мудрости. Ты можешь спросить: откуда я знаю, что ты сможешь? А откуда человек знает, как ему подсказывает интуиция или как к нему на компьютер приходит информация? Я знаю просто потому, что знаю. Но вернемся к теме о содержимом горшочка. А вообще, давай сделаем перерыв. Ты пока переваришь то, что мы проговорили, плюс подумаешь о том, какие типы мышления присущи человеку, а завтра в бане мы с тобой это и обсудим. Не забудь веники и увеличить нагрузку во время зарядки в два раза, - Степан Егорович решил прервать занятие, когда профессор был весь во внимании, не сделает ли Учитель по ходу своей лекции какую-нибудь ошибку; но так как ошибок пока не наблюдалось, не было и повода отказаться от заданий Степана Егоровича.

Попрощавшись, они договорились встретиться у бабки Нины, дача с баней у неё была неподалёку от города.

Дома Николай Сергеевич долго обдумывал весь разговор. При разговоре о душе вспомнился отец Владимир, но беседа со Степаном Егоровичем была более доступна в понимании и не несла в себе, пока, непререкаемых догм. Порывшись в различных книгах, он выпил холодного чаю, покурив и лёг подумать, мысли о болезни ушли на второй план. Те вопросы, которые задал Степан Егорович, освещались в литературе урывками, предстояло собрать ответы в единое целое. После длительного мыслительного процесса профессор

выделил два основных типа: образное и конкретное, посмотрел в литературе, как их определять и спокойно уснул.

ГЛАВА 4. БАБА ЯГА И ЗМЕЙ ГОРЫНЫЧ.

Нина Ивановна встретила обоих в коридоре, уже собравшись. Ехать решили на машине Николая Сергеевича, всё равно водку не пить. Дорога была короткой, и разговор в машине касался качества бани, кто и когда последний раз там был; вспомнили и бабу Ягу, которая Иванушке и баньку истопила и спать уложила. Немного посмеялись. Дача действительно напоминала «избушку на курьих ножках», но баня была шикарная.

-Это единственная радость в моей жизни, - улыбаясь, проговорила бабка Нина, и побрела за дом, чтобы набрать дров.

-Через час всё будет готово, а пока банька топится, идемте, посмотрим моё хозяйство, - весь вид Нины Ивановны заставлял человека довериться ей, а преклонение её перед Степаном Егоровичем вселяло уверенность.

Хозяйство бабки Нины было не большим, но аккуратным, овощей и плодовых деревьев практически не было, зато цветов и разных трав было море. Она рассказала о том, как трудно одной ухаживать за участком и как трудно общаться с соседями.

-Только Степан Егорович меня и понимает, - проронила она подобострастно.

Змей Горыныч взглянул на неё так, что та быстро исчезла в бане.

-Ну, рассказывай, как прошел день, вижу, что зарядку делал плохо, хотя и хорохоришься, - сердитым голосом сказал Учитель.

«Зараза, его интернет ни разу не подвёл», - отметил про себя профессор.

-Я старался, но думаю, что мне пока ещё трудно, сердце сильно стучит, голова тяжелеет, - пожаловался он.

-Хорошо, в бане посмотрим, я не люблю, когда мои задания плохо выполняются, - бросил Змей Горыныч, закурив очередную сигарету.

-Идите в баньку, она уже готова, вы пока парьтесь, а тебе, Коля, я потом сделаю массаж, - обращение и голос Нины Ивановны были настолько нежны, что стало не по себе.

-Не обращай на неё внимания. Женщины хитры до ужаса, особенно, такие как она, думают, если что-то знают, то всё могут, - улыбка, которой Степан Егорович одарил бабку Нину, с успехом могла заменить денежную купюру.

-И как в нем уживаются разные люди? - отметил в своей голове Николай Сергеевич, проходя в баню.

В парной было жарко. Пот моментом выступил на теле профессора.

-Можно я пойду? - попросился в предбанник Николай Сергеевич.

-Сиди и терпи. Пар костей не ломит. Разогревайся, - слова Змея Горыныча прозвучали, как армейские команды.

«Надеюсь, они меня здесь не уморят. Хотя, кто их знает, и почему я им доверяю? Хорошо, буду страдать, пусть голубчикам будет стыдно», - глаза профессора наливались кровью.

-Молодец, поэтому я и говорил, что ты та мышка, которая поворачивается и показывает зубы. Иди, отдыхай, я ещё посижу; жар сегодня маловат, - Змей Горыныч был сух и создавалось впечатление, что он сидит на улице.

Николай Сергеевич думал, что сердце выскочит у него из груди.

Нина Ивановна охладила минеральную воду, принесла берёзового соку. Глаза её светились добротой.

-Надо, Коля, надо; Степан Егорович плохо не сделает, - в этих словах было что-то из детства, и в тоже время было стыдно, хотелось кричать: «Хватит, я уже взрослый, что вы со мной, как с ребенком». Навернулись слезы.

Учитель вышел из парной минут через пятнадцать. Волосатый, загорелый, с хитрой улыбкой на лице, он выпил стаканчик воды и небрежно отослал бабку Нину замочить веники.

-Готовься, это ещё цветочки. Разговаривать о мыслительном процессе будем после бани, а пока пей больше жидкости, - голос Степана Егоровича был спокоен, как никогда.

Выпив около литра воды, Николай Сергеевич почувствовал некоторое облегчение, но изрядную тяжесть в желудке.

-Пора париться, - Змей Горыныч быстро поднялся и предложил профессору следовать за собой. Прогревшись, пока не прошиб пот, Учитель натер СиНяка солью, растёр его щёткой и начал, не торопясь, обрабатывать веником. Николаю Сергеевичу казалось, что ещё мгновение, и он потеряет сознание. Когда он вывалился из парной, бабка Нина окатила его ведром холодной воды, перехватило дыхание, но стало легче.

-Мы повторим процедуру еще разочек, а потом в беседке перекусим и поговорим, - Степан Егорович был бодр и весел.

После повторной процедуры профессор с трудом оделся и добрался до беседки.

-Замечательно, теперь отдохни, и будем обедать, - Змей Горыныч потянулся и зевнул, - и такую прелесть тебе запретили, обидно.

Нина Ивановна накрыла на стол; приятный ветерок, туча, закрывшая солнце, разморили Николая Сергеевича. Обед был овощной, мясная и жирная пища отсутствовали. Чашка крепкого чая позволила Степану Егоровичу начать разговор.

Закурив, свою сигарету он спросил: - Удалось ли тебе разобраться в вариантах мышления? - взгляд его упал на лениво сидевшего профессора.

-Я посмотрел, но раз мы забыли, что я профессор философии, давайте вы сами расскажете об этом, - уклонился от ответа СиНяк.

-Хорошо, Нина Ивановна уже много слышала, так что она может, если захочет, отдохнуть или идти мыть посуду, а я буду говорить, если будешь с чем-то не согласен, сразу перебивай меня. Специалисты выделяют, в основном, два вида мышления: **конкретное и образное. Конкретное - это, когда ты думаешь о том, что видишь, и о том, что сделал, делаешь или будешь делать. Образное - это, когда ты что-то представляешь. Но существует ещё два вида мышления, а именно ассоциативное и парадоксальное. Ассоциативное - это, когда мы можем сравнивать, что угодно с чем угодно. Парадоксальное, когда мы понимаем, все не так, как понимают другие.** Соответственно, все виды мышления присущи человеку. Как ты заметил, я перечислил их по мере возрастания затраты сил на использование своего мышления. Следовательно, чем у человека меньше сил, тем более конкретно он мыслит, и наоборот. Помнишь, книгу «От трех до пяти», она насыщена парадоксами, т.к. у детей много сил. Ко дню нашей встречи сил у тебя, извини, было с гулькин нос, а значит, разговор с тобой не представлял ни малейшего интереса. По мере того, как ты крепнешь, мышление твое дает проблески.

Давай, попробуем, мыслить ассоциативно, представим себе человека в виде «Розы ветров», а направления – различные виды мышления, получается, что одно из направлений всегда преобладает. Так зачем плевать против ветра, и тратить впустую свои силы, если тебе дано конкретное мышление, а ты пытаешься мыслить парадоксально. Тебе все понятно? - Змей Горыныч прервал свой логичный, но затянувшийся монолог.

-Нет, - возразил Николай Сергеевич, - по-твоему, - он сделал на этом ударение, - я зря стал профессором философии, которая требует ассоциативного и парадоксального мышления и поэтому заболел, - в СиНяке чувствовалось раздражение.

-Видишь как здорово, я задел твою гордость, ты ответил эмоцией раздражения, потерял силы и начал мыслить конкретно. Процесс обучения проходит не зря, - рассмеялся Степан Егорович. - К сожалению, в молодости человек сам не может определить, как он умеет думать, помнишь, я приводил пример про женщину, которая стала врачом, а не певицей. Ей было дано конкретное мышление, а **врач, как и философ, должен мыслить парадоксально**, из-за этого она, и заработала свои проблемы. Как силы, так и способность к мышлению нельзя пощупать, только наличие хорошего интернета позволяет определить, кто есть кто.

Николай Сергеевич немного успокоился.

-Каким же образом производить отбор абитуриентов, если нельзя определить тип их мышления? - спросил он с интересом.

-Вопрос правильный, но ответ ты узнаешь по мере своего выздоровления, пока еще ты дурак, а в первом классе школы изучать высшую математику не имеет смысла, - ответ Змея Горыныча профессора не порадовал.

-Ты не расстраивайся, пока тебе необходимо понять, что тип мышления человека зависит от того количества сил, которое находится в его горшочке, - продолжил Степан Егорович свой рассказ. - В прошлый раз мы говорили, что человек тратит силы на эмоции и их воплощение. На что еще мы тратим силы? Забирает ли переваривание пищи у человека силы? Дает ли силы секс? Ты обратил внимание, что последние месяцы у тебя нет аппетита, и уже давно ты не выносишь женщин? Не является ли это защитной реакцией? Давай разберем каждую проблему по отдельности. Калорийность продукта говорит нам о том, сколько энергии необходимо потратить на сжигание данного продукта. Когда он попадает в наш организм, мы расходует наши силы на его переваривание в кишечнике, распахиваем простые органические вещества по нашему организму, и **если у нас не хватает сил, мы толстеем**. Чем легче усваивается пища, тем лучше нашему организму, поэтому в НХЛ была макаронная диета - углеводы легко перевариваются. Когда человек после операции, ему не дают есть, пока он сам не попросит. Когда болеет животное, оно уходит в темный угол и голодает. Соответственно, старайся меньше есть, не трать оставшиеся силенки впустую, - после таких слов вид оставшейся пищи вызывал у профессора отвращение.

-Теперь о сексе. Отличие мужчины от женщины заключается в том, что она определяет его поведение, и основная ее задача - под любым предлогом получить необходимый ей результат. Волки не виноваты в том, что они питаются зайцами, это просто жизнь. Для того чтобы заниматься сексом, мужчине необходимы силы, иначе он страдает различными видами полового бессилия. Но секс для мужчины - это **прежде всего эмоции, а значит потеря**. Поэтому, если по мере продвижения, у тебя появится влечение к женщине,

постарайся о ней не думать, береги силы, - речь Учителя понравилась Николаю Сергеевичу.

«Надо будет, чтобы он как-нибудь встретился с ректором Университета. Беседа женщины-феминистки и Змея Горыныча была бы, вероятно, очень занимательна», - на лице профессора появилась улыбка. Ректор университета, Пустозвонная Наталия Владимировна, оправдывала свою фамилию, и хотя она была профессором и преподавала риторику и умение решать конфликтные ситуации, студенты часто смеялись над ней за её внутреннюю тупость и называли её «крашеной мочалкой». СиНяк отвлекся и чуть не пропустил слова Степана Егоровича: - Мы разобрали с тобой, что надо и что не надо делать, чтобы экономить силы и по возможности их немного накопить. Но есть еще один механизм. Горшочек горшочку может передавать часть своего содержимого. Главное чтобы один не крал у другого. Если цветы подарены с душой, то они стоят в вазе долго, если формально - быстро завянут. Значит, мы можем вкладывать часть нашей энергии в отношение к другому.

Нина Ивановна обещала сделать тебе массаж, но так как это было сказано для красивого словца, она забыла об этом. В следующий раз, она сделает тебе его от всей души, и ты почувствуешь, как станет тебе легко. Здесь очень много нюансов, разбор их требует напряженной работы, все это еще впереди, - Степан Егорович потянулся.

Солнце клонилось к закату. Бабка Нина закончила возиться со своим хозяйством, помыла посуду, можно было собираться домой.

-За прошедшие три дня мы разобрали с тобой, что такое внутренняя сила и как с ней обходиться. В течение месяца мы не будем с тобой встречаться, ты будешь выполнять домашнее задание - думать, Нина Ивановна будет делать тебе массаж и периодически тебя парить. Если у тебя будут возникать вопросы, в меру своих сил она будет отвечать на них. Через месяц посмотрим, как ты изменишься, и **отследим динамику в твоём мышлении**. Мой отъезд - это не отказ от работы с тобой, - это просто пауза, - Змей Горыныч похлопал Николая Сергеевича по плечу.

Собрав вещи, они сели в машину и поехали в направлении города. У дома бабки Нины они попрощались, Николай Сергеевич почувствовал некоторое одиночество. «Змей Горыныч улетел, придется коротать время с бабой Ягой», - прямо как в сказке. С Ниной Ивановной они договорились встретиться на следующий день у нее на работе.

ГЛАВА 5. ТРИДЕВЯТОЕ ЦАРСТВО

Вроде бы все, что говорил Степан Егорович, было давно описано, но его логика и сжатость формы, которую он придавал своим словам, покоряли профессора. «Как можно, будучи неизвестно кем, излагать вопросы философии с таким знанием? Неужели, действительно, Змеи Горынычи получают информацию по своему интернету? Интересно, а кем он был прежде, чем стал Змеем Горынычем? То, как он говорит, напоминает университетского преподавателя, но металлические нотки в его голосе показывают наличие восточной школы воспитания, а там только две вещи заставляют человека добиваться результата: страх и дисциплина. Если ты подчинил себя страху, ты проиграл; если ты дисциплинирован, у тебя есть шанс на победу.

В страхе, говорили древние, есть три уровня: страх ситуации, страх боли и страх смерти. У меня самый поганый страх смерти и Змей Горыныч его

использует, а потом требует от меня дисциплины. Здесь и дурак станет дисциплинированным, если захочешь жить. Ладно, Бог с ним, надо распланировать месяц по часам», - Николай Сергеевич устало взглянул на часы: «А ведь я неплохо себя чувствую, и кашель стал меньше, и на щеках румянец. Посмотрим, что за массаж сделает мне бабка Нина, глядишь, и пневмония пройдет. Ох, как хочется верить, что все будет хорошо. Всё, хватит расслабляться, пора заняться делом, а то, полагаясь на других, можно и раскиснуть», - профессор сел, уже не на диван, а за стол. Этот прогресс он не заметил.

План действий на следующий месяц был прост.

Зарядка, каждый день по нарастающей - то есть нагрузка должна постоянно увеличиваться. После зарядки обливание холодной водой.

В течение двух часов – работа с литературой по философии и теологии.

Дважды в неделю – массаж и дважды - баня у Нины Ивановны.

Беседы с бабкой Ниной – по три часа, через день.

Всё свободное время - размышления о причинах болезни.

План, в целом, понравился Николаю Сергеевичу.

«Хорошо, что я оформил инвалидность, и у меня есть какие-то деньги на существование, иначе заведование кафедрой отнимало бы у меня уйму времени», – подумал профессор. Настроение было не плохим. «Надежды юношей питают», - закралась ему в голову мысль, характеризующая его состояние. Больше всего угнетала зарядка, от нее выскакивало сердце и болело все тело, резко усиливался кашель. «Но лучше синица в руках, чем дятел в заднем проходе», - вспомнил он шутку популярного юмориста и улыбнулся, – «придется расписание выполнять».

Мысль о причине своей болезни профессор отодвинул на задний план.

Месяц работы над собой пролетел незаметно. Терпение требовалось нечеловеческое, постоянно приходилось вспоминать «Повесть о настоящем человеке». Массаж Нины Ивановны не доставлял никакого удовольствия, и лучшее наслаждение Николай Сергеевич получал во время отдыха, после него. Постепенно выработалась привычка к бане, зарядка начала приносить удовольствие. Чтение книг позволило вспомнить и понять то, что давно было забыто. Мысли о смерти все реже посещали СиНяка. Философские беседы с Ниной Ивановной получались плохо, зато ее котлеты и рассказы про Степана Егоровича были шикарны. Стало понятно, от чего возникла его затворническая жизнь: зачем общаться с людьми, которые тебя не понимают, **лучше помочь одному измениться и справиться с проблемой, чем пытаться поменять весь мир, которому это не нужно.** Все, что рассказывал Степан Егорович, теперь можно было разложить по полочкам. Действительно, не зря говорили: «Знание не приводит к радости, знание приводит к печали», - вздохнул Николай Сергеевич.

«Получается, как с Ильей Муромцем у камня: налево пойдешь - себя потеряешь, значит, умрешь - я уже сходил; направо пойдешь – коня потеряешь, то есть **сойдешь с ума от страха**, вроде бы тоже сходил; осталось только прямо, а там ни радости не эмоций – тоска», - от таких мыслей профессору становилось грустно. «Сплошная непроходимая глушь, как в тридевятиом царстве, и когда будет выход и будет ли он вообще, и хватит ли сил пройти?» - вопросы требовали ответа, но он сознавал, что они конкретны, а в сказках конкретных ответов быть не может. Приходилось продолжать насиловать себя и ждать

появления Змея Горыныча. Когда Степан Егорович появился, бабка Нина позвонила СиНяку и сообщила, что тот ждет его на том же месте, в тот же час.

В сердце Николая Сергеевича, что-то защемило, и навернулись слезы. Такое состояние было, когда отец возвращался из командировки, это удивило и расстроило профессора. «Неужели этот человек стал так много значить в моей жизни?» - думал он в поисках носового платка.

ГЛАВА 6. ВСТРЕЧА НА ПОЛПУТИ

Создавалось впечатление, что Степан Егорович и не уезжал. Он выглядел загорелым, немного уставшим, но как всегда бодрым.

-Ну что, выглядишь неплохо, хотя мог бы выглядеть лучше, - такая встреча была в его стиле, - если бы мы были в школе, я бы поставил тебе тройку, - улыбаясь, заявил Змей Горыныч.

«Только соберешься рассказать о своем отношении к человеку, как он не применит сказать гадость», - отметил, вздохнув, профессор.

-Ты немного поднабрался сил, но болезнь еще внутри тебя, - Степан Егорович был суров. - Если бы ты мог осознать причины своей болезни, тебе бы стало тошно. Весь месяц вы с Ниной Ивановной валяли дурака. Твои мозги, как были деревянными, так и остались. Ты не разобрал всю свою предыдущую жизнь, а хочешь сдвинуться с места. Ты, что думаешь, что я буду вести тебя по жизни за ручку? - слова Степана Егоровича резали ухо.

«Вот так ждешь человека, а приедет, наговорит гадостей и думает, что он благодетель», - расстроился Николай Сергеевич.

-Не надо мне изображать из себя девочку недотрогу, - цинично заметил Учитель, - сейчас начнется самая трудная работа - ты будешь признаваться себе, не на словах, а на деле, какой ты был паразит, - его слова становились все злее и злее.

-Ты родился в семье военного и учительницы начальных классов. Но твоя мать и твой отец обладали конкретным мышлением. Казалось бы, интеллигентная семья, и ты пошел на филфак, думая, что ты такой кайфовый? Помнишь, как ты радовался, когда поступил, когда тебя оставили в аспирантуре, когда защитился первый раз и затем второй; когда стал профессором, а потом заведующим кафедрой; когда ты женился на женщине, которая нравилась многим? Слава богу, ты хоть в то время не завел детей.

Не было ли все это этапами самоудовлетворения, не тратил ли ты эмоции, теща свою гордыню? Но все это ты делал для себя, а в жизни надо за все платить, - казалось, Учитель закончил свою речь.

-Я это и так все знаю, ничего нового ты мне не сказал, - сердито ответил Николай Сергеевич.

-Новое я и не говорил. Все перечисленное не было причинами твоей болезни. Это были этапы твоего падения. **Пока не опустишься на дно, ты не можешь от него оттолкнуться и начать всплывать.** Нам надо понять: было ли твое прохождение пути дурака только началом твоей новой жизни, или ты свою судьбу выполнил и пора умирать? – спросил Змей Горыныч.

Такая постановка вопроса не понравилась профессору. «То обещают, что мной будут заниматься, то говорят, что, не пора ли мне умирать», - глаза его наливались кровью.

-Я не буду тебе ничего доказывать, - бросил он Степану Егоровичу с раздражением.

-Вот таким ты мне нравишься больше, - рассмеялся Учитель. - А то решил, что мы может с тобой при встрече, еще будем целоваться? Как я вижу, месяц, в целом, не прошел зря. Успехи небольшие, но они есть, хотя их могло быть больше, - голос и глаза Змея Горыныча стали мягче.

-Ты начал на многие вещи реагировать лучше, однако эмоции внутри тебя продолжают бродить и тебе еще нужно научиться с этим справляться, но для этого, хочешь ты или не хочешь, правде в глаза придется смотреть. Обижаться на меня бессмысленно, так что терпи, как говорят: правда хуже горькой редьки, - Степан Егорович сел поудобнее, - как я уже сказал, твой подъем по лестнице собственного возвеличивания не был причиной твоей болезни, **а твоя гордыня - была**. Ты понял разницу? - Учитель внимательно смотрел на профессора.

Взаимосвязь между историей жизни Николая Сергеевича и гордыней была очевидна, но в чем разница – непонятно.

-Гордыня в отличие от твоих действий и достижений лежит в их основе, а поэтому ради удовлетворения ее можно использовать ленинский принцип: «шаг назад, два шага вперед», и все твои действия будут для ее блага. Я не очень мудро закрутил? - выражение лица Змея Горыныча показывало человеколюбие и смирение.

-Мне понятно, что ничего не понятно, - заявил профессор, - если бы я бросил университет, не защищал диссертации, не стал бы заведующим кафедрой, а пошел на стройку, то я был бы молодец, так? - в вопросе Николая Сергеевича сквозила ирония.

-Если бы ты ушел, сознавая, что это правильно, без эмоций, то не было бы проблемы; но если ты ушел, обидевшись на человека или людей, то это та же гордыня, только с противоположным знаком – это те же эмоции, - разъяснения задевали что-то внутри профессора.

-Поэтому, чтобы понять, что является правильным, на первом этапе человек должен понять, кто он с позиции того, какое мышление ему дано от природы. Смог ли ты понять за прошедший месяц, что тебе дано, и если смог, то мне, дураку, объясни, - тон Степана Егоровича становился все жестче.

-Из того, что мы тогда проговаривали, я понимаю, что парадоксальное мышление не для меня, ассоциативно мыслить, иногда я еще могу, а преобладает образное мышление, - взвешенно проговорил Николай Сергеевич.

-Хорошо, тогда получается, философ должен владеть парадоксальным и, как минимум, ассоциативным мышлением. Ты этим требованиям не отвечаешь, а заведовать кафедрой взялся, - раздался гомерический смех учителя.

-А как же мой предшественник, у него не было и образного мышления, - пытался оправдываться профессор.

-Поэтому, с него и спрос меньше: каков поп, таков и приход, а твое заведование кафедрой ничего не изменило, - саркастично заметил Степан Егорович.

-Давай, сравним ситуацию с армией: солдаты должны мыслить конкретно и выполнять приказы, как написано в уставе. Прапорщики учат солдат, и они обладают элементами образного мышления, офицеры решают тактические вопросы, и в зависимости от своих способностей, получают звания - их мышление образное. Полковники, обладая элементами ассоциативного мышления, руководят офицерами. Генералы должны выполнять стратегические

задачи, так как у них преобладают способности к ассоциациям. Маршалы должны быть непонятны для других, их жизнь - сплошной парадокс, тогда появляются Кутузовы, Суворовы, Македонские и др. Логика тебе ясна? - Такое разжевывание было противно, но приходилось терпеть.

-Согласно этой классификации, ты у нас капитанишка, который не за заслуги, а за выслугу лет решил и стал генерал-полковником. И после этого ты думаешь, что расплата твоей болезнью - высокая цена? - улыбка не сходила с лица Змея Горыныча.

Николай Сергеевич начал лепетать в свое оправдание, что нет хороших тестов, что экзамены ничего не дают, что как же не стремиться к само - совершенствованию, что человеку хочется, то для него и благо и тому подобное. Ответ был один: **«НЕЗНАНИЕ НЕПИСАННЫХ ЗАКОНОВ НЕ ОСВОБОЖДАЕТ ОТ ОТВЕТСТВЕННОСТИ».**

ГЛАВА 7. НАДО ИДТИ ДАЛЬШЕ

Встреча со Степаном Егоровичем большой радости не доставила. Действительно, признаваться себе в том, какой ты есть, малоприятно. Но, как верно заметил Змей Горыныч: «Надо немало постараться, чтобы это осознать. Самое главное докопаться до причины, почему ты стал таким? Когда ты стал думать, что ты лучше других?»

Николай Сергеевич продолжать выполнять свое расписание. С Учителем они договорились, что встретятся дней через пять, за это время предстояло разобраться в своем детстве и юности. Каждый день он обдумывал, когда в нем неправильно проснулась гордость за себя, и только на четвертый день он смог признаться себе, что ни победы в олимпиадах, ни в спорте, ни в драках со сверстниками не имели никакого значения.

Ему было лет тринадцать, когда отец создал новую семью. Мать была в горе, жизнь приходилось начинать с нуля. Будущий профессор решил, что он теперь единственный мужчина в доме, а значит он должен доказать своему отцу, что они с матерью справятся и без него. Выглядело все прилично, Коля стал лучше учиться, дома всегда был порядок, ему казалось, что мать устает на работе, а ее личная жизнь его не интересовала. С отцом он старался не встречаться. Коля не мог, а может и не хотел, понять, как отец мог променять их (его и мать) на кого-то другого. Когда через несколько лет Николай Сергеевич поступил в университет, он постарался, чтобы его отец узнал об этом без их личной встречи. Получалось так, что то, чем жил отец, прошло мимо профессора Соколова, и только детские воспоминания, как он ждал отца из командировок, всплывали в его голове. Отец умер год назад, так и не зная о болезни Николая Сергеевича. С его новой женой и дочерью они повстречались на похоронах, но как-то сухо, как будто отец СиНяка был для профессора посторонний человек. Мать старалась об отце не говорить, хотя всегда можно было почувствовать ее отношение к данному вопросу. Только прокручивая в голове все перечисленное, Николай Сергеевич начал понимать, что такое парадоксальность, когда она касается тебя самого. Ему казалось, что его поведение после ухода отца воспринималось людьми как правильное, доказательством чего служила вся его карьера, и только сейчас он понял, что потерял. Что потерял он самого себя. Ведь он сам учил студентов смотреть на ситуацию под всеми углами зрения. Если взять за основу все то, что говорил Змей Горыныч, то мать забирала силы у отца, он не смог - ушел; она стала

забирать силы у него, и он тоже не выдержал, но, чтобы жить было легче, стал предателем, предав своего отца, но доказывая всем, какой он молодец. Такая постановка вопроса не приходила в голову профессору.

«Почему так устроена жизнь, если мы делаем так, как принято у людей, то это неправильно, и наоборот? Неужели, поговорив с отцом, а самое главное, поняв его, я смог бы прожить жизнь по другому? Еще в школе я хотел быть учителем истории, и не надо ни званий, ни денег; лишь бы ты был нужен и уважали твои знания», - слезы текли из глаз Николая Сергеевича. «Этот Змей Горыныч скоро превратит меня в половую тряпку, но все-таки во многом он прав, а самое главное: дурака дураком не сделаешь. Сам трус, сам закрывал глаза на правду, нечего плакать, надо научиться себя ненавидеть», - профессор пошел в ванную, набрал ведро холодной воды и окатил себя, затем взял швабру и в течение трех часов наводил порядок в своей квартире. «Надо с завтрашнего дня ужесточить для себя расписание, хватит валять дурака, а самое главное - ввести систему наказания: если что-то не выполнил - сто, нет - двести приседаний плюс на сутки лишение себя курева», - в этот момент СиНяк себя не переносил.

Созвонившись со Степаном Егоровичем, профессор встретился с ним на том же месте.

-Ты уже лучше выглядишь, лицо не такое пастозное, и такое впечатление, что ты можешь вести диалог. Очевидно, прошедшее время не прошло для тебя даром. Ты понял, что гордыня - худшее зло, она делает человека своим рабом, и слабак гибнет в ее нежном объятии, прямо как в объятиях у женщины; глядишь, скоро я заговорю, как поэт. Ты докопался до причины своего падения. Я думаю, она тебе не понравилась. Самое интересное, что только человек с потенциалом может справиться с собой, - тембр голоса Змея Горыныча был мягок. - Давай поговорим о том, какие важные ошибки ты совершил еще в своей жизни. Не осознав, кто ты, ты начал нарушать свой личный долг, и самое главное в нем, исходя из закона дуальности, была ли твоя жена твоей половиной? Можно ли это определить, и что надо делать, после того как ты узнаешь, кто она? Может, жить просто, как живут конкретные люди и не думать про такие глупости? Нужно ли всю жизнь добиваться своей половины, либо плюнуть на это как на блажь, и пытаться выполнять свой социальный долг? Подумай, ответ на эти вопросы не прост, люди тысячелетия пытаются на них ответить. Но самое сложное в том, что пока ты не знаешь правды, ты можешь сказать: «А я не знал». Когда же ты правду узнаешь, как от нее отказаться? Но правда такая, какая она есть», - Степан Егорович перевел дыхание и закурил.

- Ты пару дней подумай, поварись еще в себе, это полезно. У тебя, как в молодом вине, скоро появится крепость. Я надеюсь, ты уже реже думаешь про свою болезнь? - проговорил Змей Горыныч и мягко улыбнулся.

Профессору не хотелось уходить. Хотелось рассказать про то, что с ним происходило, но Учитель остановил его:

-Не надо, я и так все знаю. Хвалить тебя не буду, это вредно. Позвони мне завтра, договоримся о встрече.

Придя домой, Николай Сергеевич задумался: «Что-то во мне изменилось, но я не могу понять что. Кажется, что Степан Егорович стал добрее, а может, я смотрю на него другими глазами. Куда-то испарилось мое самомнение и стало как-то легко дышаться. Но как тяжело это дается, какие страдания надо пережить, чтобы понять, что гордыня - это зло, что маска, которую она на себя

надевает, иногда выглядит такой привлекательной, как, например, мать, которая печется о своем ребенке, на самом деле думает только о себе. И, когда с ребенком что-либо происходит, ее не в чем упрекнуть, она искренне верила, что любит своего ребенка и желает ему добра. Почему все это не преподают в школах? Почему мы умнеем только с возрастом, когда молодость уже нельзя вернуть? Почему Змей Горыныч не появился, когда я был маленький? Вообще-то я сам дурак, сказки любил, а понять, что в них написано, не смог. Черновики надо вести, как много надо еще успеть!» – то количество мыслей, которое пролетало в голове профессора, заставляло его отвлечься на обыденные домашние дела - поход в магазин, уборка квартиры. Звонков от матери не было недели две, но Николая Сергеевича это не смущало.

«Итак, в течение суток надо обдумать, какие ошибки я совершил благодаря своему самонению. Мог ли я их избежать, и какое решение в тот момент было бы правильным? Надо сегодня все хорошенько обдумать, отдохнуть, и завтра с новыми силами подготовиться к встрече со Змеем Горынычем. Учитель говорил про личный долг: то, что я стал считать себя лучше других, и моя женитьба – была ли моя жена моей половиной? Интересно, кто может на это ответить? Насколько я знаю, у науки нет еще такого прибора. Хотя в сказке «Золушка», мальчик, ученик феи, дал Золушке туфельку, другими словами методичку, как найти свою половину, но у меня нет знакомой феи, а Степан Егорович человек хитрый, если и даст, то сначала поиздевается», – усмехнулся профессор. На этой мысли он уснул. Весь день Николай Сергеевич провел в размышлениях, но, в конце концов, решив себя не перегружать, он позвонил Степану Егоровичу, и они условились о встрече.

Пока стояло жаркое, солнечное лето, место встреч оставалось прежним. Змей Горыныч, как ему и подобало, чинно восседал возле рекламы. Цвет его кожи был бронзовым от загара.

-Ну, чего хорошего пришло тебе в голову? - спросил он у профессора.

-Я понял, что существуют какие-то методички определения практически всего, в том числе и половин. Но какие, я не знаю, - Николай Сергеевич скромно потупил взор.

-Молодец, да, методички действительно существуют, но ты о них узнаешь лишь при одном условии: ты согласен узнать правду, и как это делается, останется между нами, - Степан Егорович был серьезен и внимателен. Профессор молча кивнул.

-Сделав первую ошибку – решив, что ты будешь крупный философ, ты влюбляешься в свою будущую жену. Помнишь, мы говорили с тобой о том, что эмоции - это вредно, но то, что люди понимают, как любовь - это яркое проявление эмоций. Теперь объясни мне разницу между любовью и влюбленностью? Можешь не говорить. То, что люди считают любовью, на самом деле **влюбленность с потерей большого количества энергии, а любовь - это внутреннее спокойствие**. Когда ты спокоен за свою половину, она твое неотрывное целое, зачем же ей делать больно, и она тебе не будет делать больно. Старая истина гласит: «Я не сделаю другому того, чего не сделаю себе», - но этот принцип работает только тогда, когда люди - половинки. Поэтому ты свою жену не любил, отношение к ней было влюбленностью, по принципу: если я лучший, то и жена моя должна быть самой красивой, да и вообще самой-самой. Только потом ты убедился, что ее отношение к тебе было таким же, как и у тебя к ней; мне понравилось выражение: «Нейтралитет, вооруженный до зубов», - Степан Егорович передохнул и продолжил, - но давай

пока забудем про жену, ты встретился с ней, когда внутри тебя уже поселился червячок. До ухода твоего отца тебе нравилась твоя одноклассница. Она была простой девочкой с косичками и отличалась открытостью и живым умом, но постепенно, по мере того, как менялся ты, она становилась ниже твоего достоинства, и ты забыл про нее, я правильно говорю? - Николая Сергеевича уже не смущало то, что Змей Горыныч знал о нем больше чем он сам.

-Теперь, давай посмотрим, кто была твоя половина, - учитель подмигнул профессору.

После того как они проверили и убедились в том, что одноклассница и была счастьем Николая Сергеевича, у него вдруг резко защемило сердце. Такой боли он никогда не испытывал.

-Поплачь, слезы тебе помогут, - сказал Степан Егорович, отвернувшись, чтобы не видеть рыданий профессора. Боль в сердце начала понемногу отпускат, но воспоминания об этой девочке нахлынули на Николая Сергеевича с такой силой, что молчание продлилось около часа. Мысль о том, что теперь делать, не давала СиНяку покоя, хотелось бежать, искать, каяться, но профессор сидел и плакал.

-Осознание совершенной ошибки - половина дела, - наконец проговорил Степан Егорович, - ты понимаешь, что совершение одной ошибки тянет за собой целую цепочку, поэтому **невыполнение личного долга является оборотной стороной невыполнения и социального долга**. Но, если ты прочувствовал до глубины души, что все в твоей жизни было пустым, а не просто понял это на словах, тогда можно все изменить. Создав расписание своего поведения на каждый день, тебе надо выработать для себя план на ближайшую перспективу. Даю тебе на это три дня, а затем встречаемся, как обычно, на этом месте, - Учитель дал понять, что на сегодня разговор окончен.

После всего услышанного и пережитого Николаю Сергеевичу было над чем подумать, все, что казалось незначимым раньше, выплыло на первый план. Создавать график на будущее, не зная, что будет завтра, казалось странным. Но задание есть задание, и в течение трех дней профессор обдумывал свою возможную последующую жизнь.

ГЛАВА 8. ВЫБОР

Прошло почти два месяца, как профессор начал общаться со Степаном Егоровичем. За своим состоянием он специально не наблюдал, но чувствовал, что кашель почти исчез, а остальное физическое здоровье было стабильным и не давало о себе знать. Расписание, включающее в себя физические упражнения, баню, массаж, солнечные ванны, диету, выполнялось неукоснительно. Все свободное время, а его было много, занимала работа над собой. «Если бы не было свободного времени, как раньше, мог бы я столько думать о своей прошедшей жизни?» – думал Николай Сергеевич, собираясь на встречу со Змеем Горынычем.

Все было как обычно, дул приятный ветерок, что позволяло солнцу нежно ласкать тело. Степан Егорович сидел как сфинкс, и казалось, что он никогда не уходит с этого места. СиНяк начал свое повествование с самобичевания и под конец своей речи заявил, что готов пойти работать туда, куда посоветует Учитель. Змей Горыныч усмехнулся: - Твои сопли никому не нужны, - констатировал он.

-Ты выслушаешь то, что я буду говорить, а затем из этого сделаешь свои выводы. Все принятые тобой решения будут на твоей совести. В прошлый раз мы разбирали тип твоего мышления и, можно сказать, пришли к выводу, что твой потолок, пока, стать хорошим преподавателем в школе. Тебя тянуло преподавать историю, вот и иди, работай. Устраиваясь на работу, про свою инвалидность можешь не говорить, а через год ее снимешь. То, что касается твоей личной жизни, про нее пока забудь. Вспомни фильм «Доживем до понедельника» и возьми образ главного героя себе в пример. Если ты готов, то до сентября месяца ты устраиваешься на работу, если ты все выполняешь, то звонишь мне в день учителя, я тебя поздравляю, и мы двигаемся дальше. Если нет, то я приму от тебя поздравления с Новым годом, - жесткий тон и манера поведения Степана Егоровича стали привычными, но продолжали коробить профессора. Такое незапланированное окончание разговора ставило Николая Сергеевича в тупик, хотелось двигаться по жизни, опираясь на кого-то со знаниями и опытом, а получалось так, что тебя бросали одного для принятия решения. Расставание на несколько месяцев вызвало в профессоре страх, появилось желание обвинять, но вспомнились условия договора: «Ты пластилин, я из тебя леплю», - и пришлось молча перенести окончание разговора.

Предстояло начало самостоятельной жизни, как экзамен на выживание.

Профессор решил не торопиться. Мысль о том, чтобы пойти преподавателем в школу, посещала его. Но желание выбрать школу подороже, чтобы была хорошая зарплата и уважение, останавливало его. Он взял справочник и решил поискать; может начать от противного, и выбрать самый простой вариант. Просматривая справочник, Николай Сергеевич остановил внимание на школе на окраине города, ее характеристика ему понравилась, и он решил туда навестись.

В течение недели профессор обдумывал, что сказать при визите в эту школу. Как объяснить, что он, бывший заведующий кафедрой, уволился и решил перейти в школу. Наконец, в один из понедельников, он собрался с силами и поехал в эту школу. Здание школы было пятидесятых годов постройки, но его чистота и деревья во дворе обращали на себя внимание. Профессор зашел в школу, было пусто, и только на втором этаже, в кабинете завуча, сидела женщина с ручкой в руках и что-то писала. Каково было удивление профессора, когда в ней он узнал ту девочку, в которую он был влюблен еще в школе. Пересказывать банальный разговор во время их встречи не имеет смысла.

С сентября месяца Николай Сергеевич стал преподавать историю в старших классах этой школы. Здоровье его не беспокоило. Марина Андреевна, так звали эту женщину, была завучем в этой школе, первый брак ее не удался, детей не было, и поэтому роман с профессором не замедлил завязаться.

В октябре, перед тем как все о себе рассказать Марине Андреевне, СиНяк решил сдать в клинике анализы, и каково было его удивление, когда анализы оказались нормальными, и реакция на СПИД была отрицательной. Этим же вечером он рассказал всю свою историю Марине Андреевне, и в зимние каникулы они решили пожениться.

Звонок Степану Егоровичу с приглашением быть свидетелем на свадьбе и со словами благодарности не удивил его. В своей обычной манере Змей Горыныч поблагодарил за честь, но заметил, что **это только начало**, чем немало удивил собеседника.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ.

«Сказка ложь, да в ней намек». Кто смог усвоить три закона этой сказки, поймет, как жить, совершая минимум ошибок, но есть еще законы, которые должен соблюдать человек и не нарушать их. В следующей сказке мы разберем другие три закона, а пока есть время подумать и разобраться в своей жизни: «Быстро сказка сказывается, да не скоро дело делается».